

БЕССОННИЦА

Я слишком хорошо знаю, что подразумевается, чтобы писать или говорить об этом днем: это когда собственное дыхание принимаешь за чужое, уповая, что в схватке силы с бессилием хотя бы сегодня победит бессилие. Но когда этого не происходит, когда ты с закрытыми глазами всё еще мучительно ворошишь пережитое на днях или десять лет назад, можно попытаться себя уговорить, обмануть имитацией сна, слабой утехой, способной, на самом деле, лишь раздражить воображение. К несчастью, уже некоторое время назад я вышел из того возраста, когда помнят ночные похождения своего подсознания, однако не настолько еще стар, чтобы не придавать этому значения, – так что мне приходится, грея тело тонким одеялом, представлять картины, до сих пор не показанные мне крупным планом, выводить на авансцену целую вереницу преднамеренно сочиненных образов, надеясь, что они сейчас оживут, захватят меня, простят и, закружив в бешеном, разрушающим пространстве и время танце, заставят обо всём забыть.

Предположим, что там есть свет, – он спускается к нам сверху, проникая сквозь мутные стекла решетчатых окон. Значит, мы в помещении, в большом пустом зале, я еще не знаю, что это, но уже придумал спертый нагретый воздух и этот липкий запах свежей (пусть будет зеленой) краски, вижу белые полосы на скрипучем паркетном полу и веселые ураганчики пыли в лучах. А там дальше, за ними, нечто жуткое и неуловимо знакомое, скопились, прячутся в тени по углам, тревожно дрожат какие-то металлические уроды, которых выдает блеск отполированных годами и протягиваемых навстречу ручек; однако, почувствовав подступающую тошноту, я успеваю отвернуться, не хочу присматриваться, оставляю всё как есть. Ведь сейчас всё отступит на второй план – в зале появляется девушка, это всегда интересно, хоть какой-то сюжет, будем надеяться, с эротическим подтекстом. Но ни лица, ни фигуры, ни даже цвета длинных волос я не в состоянии разобрать, словно у моей фантазии начался астигматизм, – сквозь марево проявляются лишь отдельные, смутные крохи: плетенная фенечка на запястье, нервозность движений из-за непривычно короткой юбки и что-то темное над сердцем, вроде пятна, давит, гложет, не дает встряхнуть головой как обычно и посмеяться над обыденным абсурдом. В голове наперебой звучат назойливые голоса, в основном, подруг (да-да-да, а потом, а потом, скажешь вот так и так – и всё, всё просто, слышишь? ты слышишь меня?), она слышит, она слышит их всех, но понятия не имеет, что делать дальше.

Тем не менее, она уже здесь, в моей голове, так что вынуждена действовать, а потому она медленно, с оглядкой на собственную тень, подходит к косо́й деревянной лестнице (которую я сочиняю на ходу). Далее девушка осторожно поднимается вверх, и ступени объявляют каждый ее шаг оглушительным скрипом, возникая, чтобы ускорить путь и сердцебиение, и вновь проваливаясь в небытие за спиной. Тут на стене быстро нарисую дверь, вот так, дверь в каморку приоткрыта, там низкий потолок, из-за чего девушке приходится на входе нагнуться, – и почти сразу замирает, потому что она здесь не одна. За столом у окна образуется силуэт следующего создания, он старый, сутулый, он сидит к нам спиной в контражуре, насвистывает и уверенно черкает в длинных списках имен, ощущая себя полубогом. Она смотрит на него с плохо скрываемым отвращением и пытается кашлянуть, но горло перехватывает какая-то пронзительная мысль, свет из распахнутого окна в одну секунду ослепляет ее, и, возможно, если она сейчас хлопнется посреди всей этой мерзости в обморок, это будет лучшим завершением истории. Тем не

менее, слишком поздно, я хочу знать подробности, поэтому позволяю ему заметить ее присутствие, и вот он уже грозно оборачивается, вполоборота, то есть только левым глазом, и глаз этот выражает удивление, граничащее с раздражением:

– Синица, чего тебе?

Она мнется в ожидании своей решимости.

– Пал Семеныч, я насчет зачета...

– Ах, насчет зачета? – усмехается он и вновь возвращается к спискам. – Интересно, очень интересно...

Как персонаж он всё еще не до конца сформирован, местами даже полупрозрачен, отчего еще более противен. Хотя вот: уловил деталь – чтобы перевернуть страницу, он коротко облизывает свой толстый указательный палец.

– Пал Семеныч, из-за этого нового распоряжения я без зачета по физкультуре не могу быть допущена к диплому.

– Да что ты?! Ай-яй-яй... Эх, Синица, – говорит он, получая тайное наслаждение от произношения ее фамилии, – я же всё это прекрасно знаю! Мало того – понимаю... Конечно, понимаю, ведь это я потребовал подобного распоряжения – ты что, думаешь, эти прогулы тебе с рук сойдут?! Никто за красивые глазки тебе просто так ничего не сделает.

Она неуверенно приближается к столу и прикрывает рукой пульсирующее пятно над своим сердцем.

– Ты слишком поздно опомнилась, дорогая, да-да! Зачеты уже давно прошли, и ты, это прекрасно зная, нагло – я повторяю, нагло – прогуливала мои занятия. Ты что же это себе думаешь, это мне надо?! Это мне нужен бег с высоким подниманием колен, вся эта легкая атлетика или, может, прыжки в длину? Нет. И я тебе даже более того скажу: это вам нужно. Вам! А вы ж не цените этого, дебилы, а ведь училище выделило специально для этой цели зал, большой, светлый, сейчас, вот, ремонт сделали, молодцы, между прочим, первокурсники. Ну, как с вами можно по-человечески?!

Все накопленные за годы работы клише он проговаривает как непрофессиональный актер, то бубня их под нос, то сотрясая ими воздух. Посетительница робко перебивает:

– Но Вы же знаете мою ситуацию...

– Ситуацию? Что за ситуация? У всех ситуация. У всех дипломы. Все, кто как мог, пробежали дистанцию до конца. Даже, вот, эта, как ее, ну, не важно... А кто не успел, тот опоздал. У меня самого голова болит, все носятся, бегают, словно с ума посходили, – и не только голова, но и душа – за каждого из вас! А вы только и знаете, что... Стыдно должно быть. Давай сейчас с тобой вместе журналы посмотрим. Так, вот, Си-ни-ца. Смотри: июнь – раз прогул, два прогул, три прогул, ну-ну, продолжай в том же духе... Смотрим раньше: раз прогул, два (а я тебя тогда, между прочим, в училище видел, вот, даже галочку здесь поставил), три, четыре. Еще раньше: раз прогул...

Как-нибудь остановить этот поток. Иначе стошнит прямо на все эти буквы и цифры. Она зажмуривается и, вобрав в свои легкие побольше воздуха, выдыхает:

– Может... Может, мы могли бы это как-нибудь обсудить?

– Чего обсудить, Синица? – вновь усмехается он. – Нам с тобой обсуждать нечего.

Журнал захлопнут. Неожиданно она вспоминает, как видела его однажды в парке с женой. В сумятице ее мыслей всплывает несколько отчетливых слов, словно обрывок старой телеграммы: «Идиотка-идиотка-идиотка...»

– Неужели ничего нельзя...

– Да что ж такое, оглохла, что ли? Я ж тебе говорю: зачеты прошли, а ведь я тебя предупреждал, и не раз – помнишь, у учительской? Вот и доигралась. Можешь сказать диплому последнее «прости». Финита, как говорится, ля комедия...

Губы пересохли, пятно стало дымчатым, но от этого только еще больше давит, болит; взгляд тупо уперся в складку на его шее.

– Хотя, возможно, есть какой-нибудь выход.

– Правда? – вздрагивает она, очнувшись.

– Конечно. Не забывай, я также вхожу в дипломную комиссию. В каком-то смысле, от меня зависит общее решение, и так далее... Мда, можно посмотреть, обсудить варианты. Что ты скажешь насчет завтра, второй половины дня?

Он расценивает ее напряженное молчание как согласие.

– Ну, вот и славно. Здесь я тебе адресок начеркаю, одного друга, я с ним договарюсь... Вот. Приходи в пять. Что-нибудь вместе решим.

– Спасибо, Пал Семенович. До свиданья, – говорит ее устами глухой, чей-то совершенно чужой голос.

– До встречи, Синица. Смотри, зачетку не забудь.

Чуть покачнувшись у двери, она выходит; он слышит удаляющееся поскрипывание ступенек и, вновь спрятавшись за решетками таблиц, довольно мурлычет:

– Птица-синица, которая в тёмном чулане хра-ни-тся...

За это время зал окончательно успел потерять всяческую четкость и поменять зеленый туман на желтый, сгустившись так, что практически выплевывает девушку наружу, где поначалу она не может отдышаться. На заднем дворе училища – лето, жара, запах свежестриженной травы, где-то за белыми стенами жарят шашлыки и поют песни. Я улыбаюсь ей и машу рукой, потому что я тоже здесь, вот, посмотрите, гораздо моложе, чем сейчас, лежу на земле, прислонившись спиной к горячему металлу полуразобранной машины, и жую соломинку.

– Ну, как?

– Всё в порядке, – шепчет она, улыбаясь одними уголками рта. – Сделала несколько приседаний-отжиманий, и, в конце концов, он согласился поставить зачет...

– Ну, вот видишь, дурашка! Я ж говорил, а ты не верила, – я встаю, обнимаю ее, растворяюсь в ней, где я, где она, главное – мы вместе, мне хорошо, вот сейчас очень хорошо, как давно уже не было, но в следующее мгновение запинаюсь и с ужасом замечаю нечто темное, тяжелой кляксой расплзающееся над моим сердцем. Отмахиваюсь, запрещаю этому быть и искренне начинаю надеяться, что давно уже сплю...